

УДК 821.512.157-1.09

DOI 10.25587/litteraesvfu.2022.55.28.006

М. П. Попова

Отражение архетипов в якутской женской лирике

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению отражения архетипических образов в якутской женской лирике. Для достижения поставленной цели мы опирались на исследование швейцарского ученого – психоаналитика Карла Густава Юнга.

Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный и архетипический.

Материалом исследования выбраны поэтические произведения таких известных якутских поэтесс, как В. Потапова, Н. Харлампьева, С. Гольдерова-Саргы Куо, О. Корякина-Умсуура, Н. Михалева-Сайа, В. Петрова-Венера. Также в качестве сравнения приведены поэтические тексты мужчин: якутских поэтов и авторов других национальных литератур.

Из выделенных К. Юнгом архетипов в данной статье нами рассмотрены архетипы *любовника* и *спасителя*, так как их присутствие характерно только для женской лирики. В творчестве поэтов-мужчин они не наблюдаются. Рассмотрены образы *неба*, *луны* как прообразов, получивших в творчестве якутских поэтесс архетипическую роль.

Особое внимание обращено цветовой гамме и объемной характеристике образа в поэтических текстах поэтесс. Из эпитетов к слову «небо», применяемых в творчестве поэтесс, 30% взяты из устного творчества, в частности, из якутского героического эпоса олонхо.

Замечено, что в описании неба авторами-женщинами наиболее часто использован белый цвет. Образ неба в творчестве поэтесс применен в качестве метафорического образа. Он отождествляется с объектом любви – мужчиной, является обиталищем, откуда должны спуститься архетипы любовника, спасителя. Красочность и обилие эпитетов к слову «небо», восходящих к фольклору, появление индивидуальных авторских эпитетов в сборниках поэтесс свидетельствует о богатом поэтическом лексиконе и его эволюции в их творчестве.

По сравнению с творчеством других современных якутских поэтов именно женской лирике свойственна передача цветовой гаммы и объемной характеристики образа неба, восходящие к фольклору.

Ключевые слова: якутская женская лирика, архетипы, К. Г. Юнг, фольклорные образы, лирическая героиня.

ПОПОВА Матрена Петровна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: pmatrena75@mail.ru

POPOVA MatrenaPetrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

M. P. Popova

Reflection on archetypes in Yakut women's lyrics

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article considers the reflection of archetypal images in Yakut women's lyrics. To achieve this goal, we relied on the research of the Swiss psychoanalyst Carl Gustav Jung.

Research methods: descriptive, comparative and archetypal analysis of a literary text.

The poetic works of such famous Yakut poetesses as V. Potapova, N. Kharlampieva, S. Golderova-Sargykuo, O. Koryakina-Umsuura, N. Mikhaleva-Saya, V. Petrova-Venera are selected as the research material. Also, as a comparison, the poetic texts of men are given: Yakut poets and authors of other ethnic literatures.

Of the archetypes identified by Jung, in this article we considered the archetypes of the lover and the savior, since their presence is characteristic only of female lyrics. In the works of male poets, they are not planned. Next, we examined the images of the sky, the moon as prototypes, which received an archetypal role in the work of Yakut poetesses.

We paid special attention to the color scheme and volumetric characteristics of the image in the poetic texts of the poetesses. Of the epithets to the word "heaven" used in the works of poetesses, 30% are taken from oral creative works, in particular, from the Yakut heroic epic Olonkho.

We noticed that in the description of the sky from these modifiers, the female authors most often use 'white'. The image of the sky in their works is used as a metaphorical image. It is identified with the object of love – a man, is the abode from which the archetypes of the lover, the savior, should descend. The colorfulness and abundance of epithets to the word "heaven", dating back to folklore and the appearance of individual, author's epithets in the collections of poetesses testifies to the rich poetic lexicon and its evolution in the work of modern Yakut poetesses.

In comparison with the works of other modern Yakut poets, it is the female lyrics that are characterized by the transmission of the color scheme and volumetric characteristics of the image of the sky, dating back to folklore.

Keywords: Yakut female lyrics, archetypes, Karl Jung, folklore images, lyrical heroine.

Введение

Понятие архетипа возникло в работах Карла Густава Юнга, изучавшего сферы сознательного и бессознательного в человеке. Для ученого архетипы – это основные элементы коллективного бессознательного, некие априорные формы мифологической фантазии.

К. Юнг выделил несколько архетипов и дал им соответствующие названия. Известны архетипы анима (прообраз женского начала в мужской психике) и анимус (след мужчины в женской психике), дитяти, матери, мудрого старика или старухи, любовника, странника.

В литературоведении архетипический анализ также утвердился как метод исследования. Кроме архетипов – универсалий в художественном произведении отмечают и индивидуальные архетипы, т.е. говорят об «авторских образах и мотивах, приобретающих впоследствии характер универсалий и становящихся посредниками между собственно архетипами и последующими их культурными (литературными) воплощениями» [13, с. 261].

В творчестве современных якутских поэтесс объект любви – образ мужчины – дается двупланово. В первом он образ реального человека, с которым у лирической героини «реальные» отношения: встречи, расставания, диалог и, основанные на этом душевные переживания. В большинстве случаев это современник поэтессы. Второй вид объекта переживаний предстает в образе идеала мужчины. Он, в основном, находит свое воплощение в образе фольклорного богатыря. Например, лирическая героиня Н. Харлампьевой укоряет мужчину в отсутствии в нем черт эпического богатыря, иногда даже разочаровывается в его земной простоте. Образ-идеал мужчины своими корнями восходит к архетипическому образу любовника.

Основная часть

К. Юнг образ *любовника* определяет как архетипический образ, возникающий в бессознательной сфере у женщин. Он – заморский гость, пришедший из далеких и неведомых краев, чтобы однажды встретиться с ней и снова уйти. Этот мотив мы встречаем в вагнеровском «Летучем Голландце» и в ибсеновской «Женщине моря». В них героиня «ожидает чужестранца, который придет из-за моря, чтобы пережить с ней любовное величайшее чувство. В вагнеровской опере она влюбляется в его подлинное изображение и, следовательно, знает его еще до прибытия» [13, с. 165.].

Архетип любовника в якутской женской поэзии дается в трансформированном виде через образы, бытующие в якутском народном творчестве: богатыря из эпического повествования олонхо и народного героя Манчаары. Например, для первой якутской поэтессы В. Потаповой архетип Любовника передается образом Манчаары:

Мин түүлүм – иккис олоңум,
Мин түүлүм – иккис олоруум.
Бу кәмігэ мин көрөбүн
Манчаары үөһэнэн көтөрүн...
Эр бәрдэ!
Илт миигин бәйәбәр,
Үүн былыйт кәтәбәр
[9, с.15].

Мой сон – моя вторая жизнь,
Мой сон – второе мое житье.
Вижу в это время я
Полет высокий Манчаары...
Лучший из мужей!
Унеси меня к себе,
За белые облака
(здесь и далее перевод автора – М.П.)

Поэтесса Н. Михалева-Сайа целое стихотворение посвящает этому странствующему прообразу:

Күүтәрим эйигин күннәэх түүн
Күлүмнэс куйахтаах, Эр хоһуун!
Куустунар курдугум номохтуун,
Дъол-соргу суһумнаах кустуктуун,
Дъол-соргу суһумнаах кустуктуун...
[7, с. 16].

Ждала тебя когда-то дни и ночи
напролет
Удалой молодец с блестящим
панцирем!
Жила мечтой о легенде,
С радугой, обещавшей счастье-
благополучие...

Для другой поэтессы этот архетип есть воплощение мечты, которая вносит новое веяние в ее повседневную суетную жизнь:

Мин эйиигин күүтүөбүм,
Кынайтата суюх кыыс оюолуу,
Эйиэхэ дирин иэйибин
Чугас да дъоммуттан чып кистии.
[2, с. 30]

Я буду ждать тебя,
Беспечной девочкой,
Скрывая от близких даже
Тайную любовь к тебе

Приведенные выше примеры показывают, как архетип любовника в некоторых поэтических произведениях женщин сливается с другим прообразом – архетипом спасителя. «Ожидание Спасителя распространено по всему миру. Он совершенно естественным образом активизируется во все времена тревог и смятения, подобные нашей эпохе» [13, с. 137].

Архетипы любовника, спасителя в женских поэтических текстах понимаются как небожители. Но это не случайно, как отмечает К. Юнг, *небеса* – «это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Богоматерь не является божественной, она архисвятая, она ходатайствует за нас перед троном Господним, но не является частью божества» [13, с. 102]. Образ небес тоже можно рассмотреть как прообраз-архетип. У поэтессы к образу неба особое отношение, он у них связан с образом мужчины. Так, у лирической героини Н. Михалевой-Сайа любимый человек равен темным небесам, освещать которые суждено только ей:

Билигин да эн миигин таптыгын.
Билигин да эн миигин күүтэйин.
Эн бүтэй, харанг халлаанын
Мин эрэ сулуүм сырдатар,
Кэмсинэр, кэп туонар санаабын
[7, с. 53].

До сих пор любишь ты меня.
До сих пор ждешь ты меня.
Небо твое глухое, мрачное
Лишь моя звезда освещает,
Запоздалое раскаяние твое

В лирике Н. Харлампьевой находим наделение небес свойствами живых: «тыыннаах чугас истин хара халлаан» (живое искреннее близкое темное небо). Для нее в стихотворении «...Таптал – үөрүү, таптал – дьол» («...Любовь – радость, любовь – счастье») образ неба также употребляется в иносказательном смысле и отождествляется с пустотой, обманом:

Таптал...
Сороңор кырыыс, хара сор...
Кураанах халлаан эрэйэ [11, с. 32]

Любовь...
То проклятье, муки ада,
Пустота бездонного неба.

С. Гольдерова-Саргы Кую небеса уподобляет чистоте души юноши:

Эдэркээн тунгуй уолчаан
ИТЭБЭЙИМЭ
Былыта суюх ыраас
Халлааныны санаабын [2, с. 14]

Молоденький юноша,
Не верь мне...
НЕ ВЕРЬ!
Помыслы свои чистые,
Ангельскую свою любовь
не посвящай

Первую любовь лирической героини О. Корякиной-Умсууры окрестили в небесах:

Сайа сарыыр халлааныга
Салгын күппүн эттииллэр,
Бастакы ыар тапталга
Сүрэхпин хатараллар [3, с. 6]

На небе до крови раздирающем
Душу мою разрубают на куски,
Иссушают сердце мое
Первой печальной любовью

У В. Потаповой небеса – это могущество, символ силы, где живет спаситель:

Мин – унук хоту дойдубун...
Мин илиилэрим –
Хатан эрээ титиригинэн
Көмүскэл көрдүүллэрэ –
Үөхэ халлаан
Үрүн Айыы Тойонуттан.

[9, с. 8].

Я – крайняя северная страна...
Мои руки –
Иссыхающей молодой лиственницей
Умоляют о защите –
У всевышнего божества...

Небеса в якутской женской поэзии олицетворяют также мудрость, безграничное пространство. Обратим особое внимание якутских поэтесс к цветовой гамме и объемной характеристике образа неба, восходящих к фольклору. Из эпитетов к слову «небо», применяемых в творчестве поэтесс, 30% взяты из устного творчества, в частности, из эпоса олонхо.

По воззрениям народа саха, Вселенная состоит из трех миров, каждый из которых имеет свою особую среду обитания. В этом мировосприятии отражено понимание пространственного бытия в эпическом повествовании олонхо. Например, мир у нижних «абааны» (злые силы) имеет «отравленный холодный темный» воздух и небо цвета «недоваренной рыбьей ухи» – «барбатах балык мииин курдук бадыа-бидиэ барык-сарык халлааннаах». Верхний мир дуалистичен и имеет два небесных пространства. За трехъярусным небом живет Үрүн Аар Тойон и верхние ярусы до девятого неба принадлежат ему и племени добрых божеств Айыы. Здесь встречаем «шестиярусное белое с оттенками алого цвета небо», «семиярусное серовато-белое небо» и др. За девятым небом находятся «злые силы». Их страна относится к южной стороне Вселенной, и ее небо характеризуется как неспокойное: «кэниэрдээх киэн халлаан» – «мятежное небо», «собуруу соххор холорук халлаан» – «южное вихревое небо» и т.д.

В якутской женской поэзии в описании неба из данных определений наиболее часто встречается белый цвет. Так, в поэтических сборниках Умсууры находим 3 варианта употребления этого цветового эпитета: «Сатыы манган» – «пешее белое», «толомон манган» – «полное величественное белое», «аламай манган» – «сияющее белое». Интересный эпитет находим у поэтессы Н. Михалевой-Сайа: небо у нее «желтое».

Самое интересное заключается в том, что голубой цвет, который часто употребляется как определение неба, в олонхо не обнаруживается: имеет место семантический синоним слова «чаалай» – «серовато-голубой»: «калып чаалай халлаан» – «коварное голубое небо».

Анализ текстов якутских народных песен и поэзии заслужителей якутской литературы показывает, что эпитет «голубое небо» упоминается в песне М. Ионовой «О создании изначальной страны», записанной Г. У. Эргисом в 1938 г. в г. Москве и встречается 1 раз в поэзии А. Е. Кулаковского. Начиная с 1920-1930-х гг. частотность употребления голубого цвета, как эпитета неба, увеличивается.

В современной якутской поэзии «голубое небо» принято считать исконным постоянным эпитетом. Но, на наш взгляд, приведенные выше примеры несколько расходятся с этим мнением. На применение этого цвета в качестве эпитета неба в якутском языке, вероятно, оказало влияние русская поэтическая традиция. Голубое небо встречается у большинства поэтесс.

Эпитеты, отражающие объемную характеристику неба (высота, ширина, глубина) в олонхо, достаточно часты. Так, «өндөл халлаан» – «высокое небо» в основном относится к трехъярусному небу, и довольно часто встречается в современной поэзии. Например, Сайа в сборнике “Тыллыны” употребляет 4 раза для аллитерационно-ассонансного созвучия слов»:

Өспөт кыымнаах	С неугасающим пламенем
Өркөн ей	Всепобеждающий разум
Өрөгөй төлөнө	С высоты
Өрө көтөн	Великого неба
өрүкүнүйэр	Устреми взгляд
Өндөл халлаан	Свой на нас
Өһүетүттэн	И начни говорить
Өрөөбүт уоскун	Заветные слова
Өһүлэн	
Өнөйөн көрүүй дуу,	
[7, с. 30].	

В поэзии Сайа также встречается фонетико-звуковая вариативность слова «өндөл-өндүл».

Эпитет «урдук мэнгэ» – «вечное высокое» характеризует небо не только как высокое, но и могущественное вечное явление. Его находим в поэзии С.Гольдеровой-Саргы Кую, А.Парниковой-Сабарай Илгэ. К словосочетанию из олонхо «дуолай манган» – «громадное яростное» восходят эпитеты поэтесс «толомон манган халлаан» – «величественное белое небо», «далай халлаан» – «небо, подобное большому глубокому водоему».

В поэтических сборниках Умсууры, Сайа есть числовые эпитеты «восемь», «девять», которые применяются исключительно для качественно-гиперболизирующей характеристики.

В целом, эпитеты в словесном обрамлении частотного слова небо в том или ином плане носят элементы оценочной поэтизации. Это особенно видно в олонхо при описании небес миров «злых сил»: «хоту хоромнулаах» – «северное ущербное», «охоллоо одун» – «смертоносное вышнее» и т.д. В поэтических сборниках современных поэтесс эпитеты небес миров «злых сил» не обнаруживается.

Определение «сатыы» (пешее) в олонхо обозначает нахождение неба вблизи Срединного мира. В поэтическом лексиконе пешее небо есть у О. Корякиной-Умсууры: «илбистээх сатыы халлаан» - «кровожадное пешее небо», «сатыы манан халлаан» - «белое пешее небо» и т.д.

В «женской» лирике появились и новые своеобразные оттенки цветовых эпитетов к слову небо: «торж халлаан» – «небо, подобное синему шелку», «дъэнкир халлаан» – «прозрачное небо», «хара халлаан» – «темное небо». Эти нетрадиционные для фольклора эпитеты по своей семантической структуре могут не только «окрашивать» небо, но и придавать ему дополнительное художественное значение.

Существуют и другие определения к образу неба, не рассмотренные нами выше. Например, есть «кыырай халлаан» – «недосягаемое небо», «ыраас халлаан» – «чистое небо», «тонмут халлаан» – «замерзшее небо» у О. Корякиной-Умсууры. Всего поэтессой образ неба употреблен 67 раз (сборники «Кэп туонуу» («Песнь вознесения»), «Кут көтөбүү» («Возрождение»), «Хаан тамайыны» («Чувство родства»)).

К. Юнг отмечает, что луна тоже считается символом бессознательного. «Человеческое бессознательное является лунным миром, ибо это ночной мир, и он характеризуется Луной – женским знаком – ибо мир бессознательного – это женский мир» [13, с. 187]. Луна, как и небеса, также может быть рассмотрена в качестве прообраза-архетипа.

Небесное светило «луна» в мифологиях многих народов предстает как женское начало. Например, у балкарцев луна – мифологическая прародительница и покровительница народа. Так, в творчестве Кайсына Кулиева «...весь ассоциативный комплекс, связанный с образом луны, восходит к мифологической праматери человечества, с неусыпной тревогой, следящей за жизнедеянием собственных детей на земле» [4, с. 234]. У ненецкого поэта Леонида Лапцую луна является символом женского начала. Она ассоциируется с материнской ролью защитницы:

А в небе луна, что не раз выручала,
Любви помогала, в тумане вела,
Глядит с высоты на просторы Ямала –
На тропы зверей и людские дела [5, с. 15].

В современной якутской поэзии отождествление женщины с образом луны также встречается у авторов мужчин. Например, у поэта В. Гольдерова в стихотворении «... ый-күн курдук санаһар...» – «...с кем мы как луна с солнцем» образ луны напоминает ему образ жены:

Ый-күн курдук санаһар
Ыраах олорор добоччугуом [1, с. 17].

Мой далекий дорогой человек,
С кем мы как луна с солнцем...
С мыслями о тебе я просыпаюсь

В якутской женской поэзии образ Луны является образом, близким лирической героине. Например, в творчестве В. Петровой-Венеры он включен, прежде всего, как важный образ для передачи внутреннего переживания лирической героини:

Ыраас санаам өңнөрүнән аптаах
Ыйдана көстүүнү үөдүтән,
Ыгым сүрүм уйадыйара
[8, с. 11].

Воскрешая мечтаниями своими
разноцветными
Подлунное небесное видение,
Подавленная душа умиротворялась

Жизнь героини до встречи с любимым человеком подобно безлунной ночи:

Эн тэлбитинг тэнэ суюх тэбиэспэр
Төлө көтөр чэпчеки суюлу,
Эн – ыйбытынг ыйя суюх ырабар
Бына баар биир хайысханы
[8, с.13].2].

Ты проторил в бесподобной
вспыльчивости моей
Прорывающую легкую дорогу
Ты - указал в безлунной мечте
Короткую однину линию

Но в то же время появление на небе месяца навевает грусть, усугубляя настроение одинокого человека (стихотворение Венеры «Түүнгү»–«Ночная»).

Новое радостное состояние лирической героини О. Корякиной-Умсууры сравнивается с полнолунием:

Манган сотовунан туналыйа сырдыы,
Мин бүгүн атыммын, туолбут
ыйдыы.
[3, с. 45].

Заманиваю своими ножками,
Я сегодня другая, словно полная
луна.

Лирическая героиня поэтессы Н. Михалевой-Сайа делится с Луной своей печалью:

Ыраламмыт	Пригласила я к себе
Ыраасыйданабын	Полную Луну
Ынгыраммын ытамныйа...	И начала делиться с ней
Мин олордум	О своем сокровенном

[7, с. 18]

Также свет луны предвещает для поэтессы наступление чего-то загадочного, особенно желанного (стихотворение «Күөх түүн» («Синяя ночь»)), юная девушка радуется при свете луны (стихотворение «Төннүмэ» («Не возвращайся»)).

Как отмечает В. Лосская, в стихотворении А. Ахматовой, посвященном теме одиночества, собеседниками одинокой девицы вместе с плакучей ивой является и луна [6].

Таким образом, лирическая героиня поэтесс обычно сравнивает себя, свое чувство с образом луны на бессознательном уровне.

Заключение

В результате анализа использования архетипических образов в творчестве якутских поэтесс, приходим к следующим выводам:

1. Архетипы любовника, странника в творчестве якутских поэтесс даны в трансформированном виде, через фольклорные образы божественного богатыря из героического эпоса олонхо и легендарного народного героя Манчаары. В некоторых примерах архетипы спасителя и любовника сливаются в один обобщенный образ, в котором сосредоточены все те положительные качества, свойственные идеальному героическому герою: властный покровитель, мужественный, умеющий защитить от любых бедствий. В мечтах о них лирические героини остаются всегда молодыми девушками, способными вытерпеть вечное ожидание в одиночестве. Эти архетипы в женских поэтических текстах воспринимаются как небожители.

2. У якутских поэтесс наблюдается особое отношение к образам неба и луны. Небо является не только местом обиталища архетипов любовника и странника, но и само может отождествляться образу мужчины. Только в лирике поэтесс героине любимый человек подобен темному небу, освещать которого суждено ей (например, в лирике Н. Михалевой-Сайа), небо символизирует чистоту души юноши (например, в стихотворениях С. Гольдеровой-Саргы Кую), и в тоже время образ неба отождествляется с обманутой любовью (например, в стихотворениях Н. Харлампьевой). Авторы-женщины воспринимают небо как архетипический образ, носящий в себе мужественные черты. Как отмечал К. Юнг, небеса – это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Кроме этого, поэтессы с особой усердностью «украшают» «цветовой палитрой» небо. По сравнению с творчеством других современных якутских поэтов именно женской лирике свойственна передача цветовой гаммы и объемной характеристики образа неба, восходящие к фольклору.

Образ луны рассмотрен нами как наделенный женскими чертами архетипический образ. Луна, по сравнению с образом неба, в одном и том же значении встречается и в творчестве поэтов-мужчин, и в лирике поэтов-женщин независимо от национальностей. Так для балкарцев, ненцев и якутов луна ассоциируется с матерью – защитницей и любимой женщиной. В якутской женской лирике луна является очеловеченным, близким к лирической героине образом. Она вместе с ней переживает минуты одиночества и в то же время предвещает ей о наступлении чего-то загадочного, особенно желанного. Таким образом, в творчестве поэтесс сама лирическая героиня, ее чувства идентифицируются с образом луны.

3. В итоге рассмотрения архетипов в якутской женской лирике мы согласны с мнением А. Эсалнек, утверждающей о том, что архетипы как инструмент исследования позволяют увидеть «многие существенные стороны в содержании художественных произведений, прежде всего преемственность в жизни человеческого рода, неразрывную связь, сохранение памяти о прошлом, т.е. архетипической памяти, в чем бы она ни проявлялась» [12, с. 30].

Л и т е р а т у р а

1. Гольдеров В. Көмүс күннүүн көрсүүү. – Якутской: Кинигэ изд-та, 1992. – 63 с.
2. Гольдерова С.- Саргы Кую. Дъол кыната. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1992. – 48 с.
3. Корякина О.-Умсуура Кут көтөбүү. – Якутской: Кинигэ изд- та, 1991. – 80 с.
4. Кучукова З. А. Феномен мифопоэтического у Кайсына Кулиева // Способность к диалогу. – М.: «Наследие»; 1993. – Ч.2.– 234-252.
5. Лапсуй Л. Олений бег: Стихотворения и поэмы: Пер. с ненец. / Сост. Е. Сусой. — М.: Сов. Россия, 1986.— 160 с.
6. Лосская В. Песни женщин. Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века. – Париж-Москва: Московский журнал. История государства Российского, 1999. – 320 с.
7. Михалева Н.-Сайа. Тыллыы. –Дьокуускай: Ситим, 1994. – 76 с.
8. Петрова В.-Венера. Босхолонуу. – Сунтаар, 1993. – 62 с.
9. Потапова В. Мин сырдык саннъярым... - Дьокуускай: Бичик, 2006. – 240 с.
10. Сухих И. Н. Поэтический образ как архетип // Онтология стиха. - С-П.: Изд-во СПГУ, 2000. – С. 261 – 265.
11. Харлампьева Н. Дъол кымына. – Дьокуускай: Бичик, 1999. – 288 с.
12. Эсалнек А. Я. Архетип // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1999. – С.30-37.
13. Юнг К. Г. Тавистокские лекции. – М: Институт гуман. иссл-ий, 2020. –268 с.

R e f e r e n c e s

1. Gol'derov V. Kəməs kynnyyn kərsyhy. – Yakutskaj: Kinige izd-ta, 1992. – 63 s.
2. Gol'derova S.- Sargy Kuo. D'ol kynata. – D'okuuskaj: Kinige izd-ta, 1992. – 48 s.
3. Koryakina O.-Umsuura Kut kətəbүү. – Yakutskaj: Kinige izd- ta, 1991. – 80 s.
4. Kuchukova Z. A. Fenomen mifopoeticheskogo u Kajsyna Kulieva // Sposobnost' k dialogu. – M.: «Nasledie»; 1993. – Ch.2. – 234-252.
5. Lapcuj L. Olenij beg: Stihotvorenija i poemy: Per. s neneç. / Sost. E. Susoj. — M.: Sov. Rossiya, 1986. — 160 s.
6. Losskaya V. Pesni zhenshchin. Anna Ahmatova i Marina Cvetaeva v zerkale russkoj poezii XX veka. – Parizh-Moskva: Moskovskij zhurnal. Iстория государства Rossiskogo, 1999. – 320 s.
7. Mihaleva N.-Saja. Tyllyy. – D'okuuskaj: Sitim, 1994. – 76 s.
8. Petrova V.-Venera. Boskholonuu. – Suntaar, 1993. – 62 s.
9. Potapova V. Min syrдык саннъярым... - D'okuuskaj: Bichik, 2006. – 240 s.
10. Suhih I. N. Poeticheskij obraz kak arhetip // Ontologiya stiha. - S-P.: Izd-vo SPGU, 2000. – S. 261 – 265.
11. Harlamp'eva N. D'ol kymyha. – D'okuuskaj: Bichik, 1999. – 288 s.
12. Esalnek A. Ya. Arhetip // Vvedenie v literaturovedenie. – M.: Vysshaya shkola, 1999. – S.30-37.
13. Yung K. G. Tavistokskie lekcii. – M: Institut guman. issl-ij, 2020. – 268 c.

